

В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ЦЕНТРА «АСТАНА»

22 июня 2026 года

Дело №: AIFC-C/CFI/2025/0053

(1) ИСТЕЦ А

(2) ИСТЕЦ В

Истцы

против

ОТВЕТЧИК

Ответчик

РЕШЕНИЕ

Судья Суда:

Судья Сэр Стивен Ричардс

ПРИКАЗ

Приказывается:

- (1) Признать, что Состав арбитража обладает юрисдикцией на рассмотрение спора в рамках арбитражного дела МАЦ № [...]. Оставить без удовлетворения заявление ИСТЦА А и ИСТЦА В об оспаривании Определения Состава арбитража о компетенции от [...].
- (2) Оставить без удовлетворения заявление ОТВЕТЧИКА о выдаче судебного запрета на подачу иных судебных исков.
- (3) Вопрос о судебных расходах оставить открытым для последующего разрешения Судом.

РЕШЕНИЕ

1. Основной вопрос, подлежащий разрешению в рамках настоящего производства, касается толкования арбитражного соглашения между сторонами, а именно: следует ли положение о том, что «местом проведения арбитража является [Астана], Казахстан», толковать в данных обстоятельствах как определяющее местом арбитража МФЦА, вследствие чего Закон Республики Казахстан «Об арбитраже» не подлежит применению, либо как определяющее местом арбитража город Астану вне юрисдикции МФЦА, в результате чего указанный Закон подлежит применению.

Фактические и процессуальные обстоятельства

2. Истцы, [...] («ИСТЕЦ А») и [...] («ИСТЕЦ В»), а также Ответчик, [...] («ОТВЕТЧИК»), заключили Соглашение [...] от [...]. Первоначальная редакция Соглашения [...] содержала арбитражную оговорку по правилам ЮНСИТРАЛ (пункт 12.3).
3. [...] стороны заключили Соглашение об урегулировании в целях урегулирования обязательств, вытекающих из Соглашения [...]. Указанное Соглашение об урегулировании содержало арбитражное соглашение следующего содержания (пункт 12.2):

«Разрешение споров в арбитраже. Любой спор, разногласие, расхождение или претензия, будь то договорные или внедоговорные, возникающие в связи с Соглашением, в том числе в отношении существования, действительности, толкования, исполнения, нарушения или прекращения Соглашения, передаются для окончательного разрешения в Международный арбитражный центр Международного финансового центра Астаны (далее – МАЦ) в соответствии с Правилами арбитража и медиации МАЦ, действующими на дату подачи заявления об арбитраже Регистратору МАЦ, которые считаются включены в настоящий пункт. Количество арбитров – три. Местом проведения арбитража является г. Нур-Султан (Казахстан). Правом, регулирующим арбитражное разбирательство, является право страны местонахождения. Язык арбитражного разбирательства – русский.»

Последующее изменение наименования столицы Республики Казахстан означает, что ссылка на «Нур-Султан» подлежит толкованию как ссылка на «Астану».

4. [...] стороны и иные лица подписали Соглашение о внесении изменений в Соглашение [...], пунктом 3.15 которого они согласились заменить арбитражную оговорку в первоначальном Соглашении (пункт 12.3) арбитражной оговоркой, изложенной в тех же условиях, что и арбитражная оговорка, содержащаяся в Соглашении об урегулировании; а пунктом 6.2

которого они согласились, что указанная арбитражная оговорка применяется к самому Соглашению о внесении изменений так, как если бы она была прямо в него включена.

5. [...] стороны заключили Дополнительное соглашение, пунктом 5.2 которого они согласились, что арбитражная оговорка, содержащаяся в Соглашении об урегулировании (пункт 12.2), применяется к указанному Дополнительному соглашению так, как если бы она была в него включена.
6. [...] ОТВЕТЧИК инициировал арбитражное разбирательство в МАЦ против ИСТЦА А и ИСТЦА В на основании пункта 12.2 Соглашения об урегулировании (арбитражное дело МАЦ № [...]). [...] Состав арбитража, состоящий из трех арбитров, был утвержден.
7. В качестве предварительного вопроса ИСТЕЦ А и ИСТЕЦ В заявили ряд доводов, оспаривающих компетенцию Состава арбитража на рассмотрение спора. В частности, соответствующие доводы сводились к следующему: применимым правом является право Республики Казахстан; пункт 8(10) Закона Республики Казахстан «Об арбитраже» исключает возможность арбитражного разбирательства без согласия уполномоченного государственного органа в отношении споров с участием юридических лиц, находящихся в мажоритарной государственной собственности; ОТВЕТЧИК относится к таким юридическим лицам, однако соответствующее согласие получено не было; следовательно, арбитражная оговорка в Соглашении об урегулировании является недействительной, а Состав арбитража не обладает юрисдикцией для рассмотрения требований ОТВЕТЧИКА.
8. [...] Состав арбитража вынес «Определение о компетенции». Резолютивная часть указанного определения гласит:
 - 1) *Состав арбитража имеет полномочия (юрисдикцию) рассматривать переданный на его разрешение спор по Соглашению об урегулировании между Истцом и Ответчиками.*
 - 2) *Местом рассмотрения данного спора является МФЦА, Республика Казахстан.*
9. В обоснование указанного вывода Состав арбитража указал, в частности, следующее:

«36. ... Английская версия [Соглашения об урегулировании] указывает в качестве права, регулирующего арбитражное разбирательство, право места арбитража. Согласно п.13.9 Соглашения об урегулировании «В случае расхождения между текстами Соглашения на разных языках, преимущественную силу имеет текст Соглашения на английском языке.». Соответственно, Состав арбитража руководствуется английской версией Соглашения об урегулировании.

37. С учетом этого, а также того факта, что стороны определили МАЦ в качестве органа разрешения спора, а МАЦ находится в МФЦА, которое имеет право, регулирующее арбитражное разбирательство, отличающееся от права Республики Казахстан, то п.12.2 Соглашения об урегулировании следует понимать так, что правом, регулирующим арбитражное разбирательство, будет право МФЦА.

...

39. Состав арбитража считает, что слова п.12.2 Соглашения об урегулировании достаточно ясны, чтобы сделать вывод о том, что в совокупности согласие на разрешение споров в МАЦ в МФЦА, находящегося в Нур-Султане (в настоящее время – г. Астана), по Правилам арбитража МАЦ и согласие на место проведения арбитража в Нур-Султане (в настоящее время – г. Астана) является соглашением Сторон на МФЦА как место проведение арбитражного разбирательства.»

10. В соответствии со статьей 26(3) Арбитражного регламента МФЦА 2017 года, если Состав арбитража в качестве предварительного вопроса выносит решение о наличии у него юрисдикции, любая из сторон вправе в течение тридцати дней с момента получения уведомления о таком решении обратиться в Суд первой инстанции МФЦА с заявлением о рассмотрении данного вопроса, при этом такое решение Суда не подлежит обжалованию.
11. Настоящим иском, поданным в соответствии со статьей 26(3) в установленный срок, ИСТЕЦ А и ИСТЕЦ В обращаются в Суд первой инстанции МФЦА с просьбой определить вопрос юрисдикции и вынести решение о том, что Состав арбитража не обладает юрисдикцией для рассмотрения арбитражного дела МАЦ № [...].
12. ОТВЕТЧИК просит Суд МФЦА прийти к противоположному выводу, отклонить иск и признать, что Состав арбитража обладает юрисдикцией для рассмотрения данного арбитражного разбирательства.
13. В рамках отдельного Прошения об арбитражном разбирательстве с последующими изменениями ОТВЕТЧИК также ходатайствует о выдаче судебного запрета на подачу иных судебных исков в отношении ИСТЦА А и ИСТЦА В, направленного на предотвращение оспаривания действительности арбитражного соглашения в рамках параллельных разбирательств в иных судах. Настоящий Суд постановил рассмотреть указанное заявление одновременно с заявлением ИСТЦА А и ИСТЦА В по вопросу юрисдикции.
14. Судебное заседание состоялось в режиме видеоконференции 15 июля 2026 года. Основная часть судебного заседания была посвящена вопросу юрисдикции, по которому я заслушал доводы г-на Александра Коробейникова, представлявшего интересы ИСТЦА А и ИСТЦА В, и г-на Бахыта Тукулова, представлявшего интересы ОТВЕТЧИКА. По вопросу о выдаче судебного запрета на подачу иных судебных исков были заслушаны доводы г-жи Марии Петренко, представлявшей интересы ОТВЕТЧИКА. Г-н Коробейников должен был представить ответные доводы от имени ИСТЦА А и ИСТЦА В, однако не смог этого сделать вследствие технического сбоя в подключении. На момент завершения судебного заседания восстановление соединения не произошло. Принимая во внимание ограниченный характер затронутого вопроса, а также наличие подробных письменных доводов г-на Коробейникова, на которые Суд может надлежащим образом опираться при вынесении настоящего решения, я пришел к выводу, что указанный технический сбой не повлек за собой существенного нарушения права сторон на справедливое судебное разбирательство и не требует возобновления судебного заседания. Я выражаю признательность всем представителям сторон за представленные как письменные, так и устные доводы.

Аргументы в пользу ИСТЦА А и ИСТЦА В

15. Позиция, изложенная от имени ИСТЦА А и ИСТЦА В, строится следующим образом. Во-первых, в пункте 12.2 прямо было согласовано, что местом арбитража является Астана. В Соглашении об урегулировании отсутствует какое-либо указание на МФЦА в качестве места арбитража. Хотя пункт 12.2 предусматривает проведение арбитража в МАЦ в соответствии с Арбитражным регламентом МАЦ, статья 30(1) Арбитражного регламента МФЦА прямо устанавливает, что *«Стороны могут договориться о месте проведения арбитражного разбирательства»*. Если стороны намеревались определить МФЦА в качестве места арбитража, они должны были прямо указать это в арбитражной оговорке. В этой связи делается ссылка на типовую арбитражную оговорку, размещенную на сайте МАЦ, в которой используется следующая формулировка: *«Местом проведения арбитража считается [МФЦА в г. Астана, Казахстан]»*, тем самым разграничивая МФЦА и Астану. В обоснование позиции также

приводится прецедентная практика Международного финансового центра Дубая («DIFC»), в частности дело *Dhir v Waterfront Properties* [2009] DIFC CFI 011 (8 июля 2009 г.). Указывается, что решение Суда первой инстанции МФЦА по весьма сходному вопросу по делу № 8 за 2021 год *Success K LLP против Министерства здравоохранения Республики Казахстан* (решение Лорда Манса, Председателя Суда, от 24 января 2022 г.) подлежит отличию, поскольку в том деле местом арбитража была указана Республика Казахстан без конкретизации города.

16. Второй ключевой элемент аргумента заключается в том, что пункт 12.2 предусматривает, что правом, регулирующим арбитражное разбирательство, является право места арбитража. Если местом арбитража является Астана, а не МФЦА, то применимым правом является общее право Республики Казахстан, а не право МФЦА. Статья 9 Арбитражного регламента МФЦА предусматривает, что «Раздел с 1 по 3, приложение к настоящему Регламенту применяются в случае, если местом проведения арбитражного разбирательства является МФЦА». Следовательно, указанные части, включающие большинство процессуальных норм МФЦА, не применяются, если местом арбитража является Астана вне МФЦА. Также утверждается, что общее право Республики Казахстан было применено судами Казахстана при вынесении определений о возврате исков, поданных ИСТЦОМ А в [...] (см. §31 ниже).
17. Третий ключевой элемент аргумента заключается в том, что, соответственно, подлежит применению статья 8(10) Закона Республики Казахстан «Об арбитраже»; и поскольку ОТВЕТЧИК не получил согласия уполномоченного органа, требуемого статьей 8(10), арбитражная оговорка в Соглашении об урегулировании является недействительной, состав арбитража не обладал юрисдикцией для рассмотрения требований ОТВЕТЧИКА. Статья 7 Арбитражного регламента МФЦА, согласно которому «требования Закона Республики Казахстан «Положения Закона Республики Казахстан «Об арбитраже» не распространяются на арбитражи, осуществляемые в соответствии с настоящим Регламентом», само по себе неприменимо, поскольку оно содержится в Части 1 Регламента и, следовательно, в силу статьи 9 (упомянутой выше) применяется лишь в случаях, когда местом арбитража является МФЦА.

Позиция ОТВЕТЧИКА

18. Исходной позицией ОТВЕТЧИКА является то, что с самого начала стороны имели четкое намерение передавать любые споры на рассмотрение арбитража. Это намерение было ясно выражено в арбитражной оговорке ЮНСИТРАЛ в первоначальном Соглашении [...], а также в оговорках об арбитраже МАЦ, содержащихся в последующих изменениях к Соглашению и в Соглашении об урегулировании. Вместе с тем толкование, предлагаемое ИСТЦОМ А и ИСТЦОМ В, приводило бы к ситуации, при которой арбитражная оговорка утратила бы смысл. Не оспаривается, что если бы применялась статья 8(10) Закона Республики Казахстан «Об арбитраже», арбитражная оговорка была бы недействительной и не имеющей силы. Такой результат очевидно противоречил бы намерению сторон, и избежание этого результата является веским основанием для толкования пункта 12.2 как предусматривающего, что местом арбитража является МФЦА.
19. Также утверждается, что толкование пункта 12.2 как устанавливающего МФЦА в качестве места арбитража соответствует принципу практического значения (*effet utile*), согласно которому арбитражные оговорки должны толковаться таким образом, чтобы придавать им практический и эффективный смысл. Это является единственным разумным толкованием и соответствует практике Суда МФЦА, в частности делу *Success K*, тогда как дело *DIFC Dhir v Waterfront Properties* подлежит отличию.
20. Далее утверждается, что ИСТЕЦ А подтвердил действительность арбитражной оговорки в своем Ответе на Прошение об арбитражном разбирательстве и в настоящее время лишен

права заявлять обратное; кроме того, довод, в настоящее время выдвигаемый ИСТЦОМ А и ИСТЦОМ В о применимости национального Закона «Об арбитраже» на том основании, что арбитражная оговорка определяет Астану в качестве места арбитража, не был заявлен перед Составом арбитража и не должен приниматься к рассмотрению на данном этапе. Дополнительно утверждается, что статья 8(10) национального Закона «Об арбитраже» может быть применена государственными или связанными с государством субъектами, но не частными компаниями, такими как ИСТЕЦ А и ИСТЕЦ В.

Юрисдикция: обсуждение

21. По моему мнению, существуют веские основания для отклонения толкования пункта 12.2, предлагаемого ИСТЦОМ А и ИСТЦОМ В. Такое толкование привело бы к противоречию и, как указывает ОТВЕТЧИК, сделало бы арбитражную оговорку неэффективным. С одной стороны, стороны прямо согласовали, что любые споры подлежат разрешению в арбитраже при МАЦ в соответствии с Регламентом МАЦ; однако, с другой стороны, выбор Астаны вне МФЦА в качестве места арбитража привел бы к недействительности этой оговорки об арбитраже, поскольку это повлекло бы неприменение статьи 7 Арбитражного регламента МФЦА и применение Закона Республики Казахстан «Об арбитраже» и, в частности, статьи 8(10) этого Закона, как указано выше в §§16–17. При объективной оценке нельзя считать, что стороны намеревались создать такую ситуацию. Напротив, начиная с Соглашения [...], они демонстрировали последовательное намерение передавать любые споры на рассмотрение арбитража, что предполагает наличие эффективного арбитража.
22. Важно учитывать, что МФЦА сам по себе является частью Астаны. В соответствии со статьей 1 Конституционного закона о МФЦА (Конституционный закон № 438-V ЗРК от 7 декабря 2015 года), МФЦА *«территория в пределах города Астаны с точно обозначенными границами, определяемыми Президентом Республики Казахстан, в которой действует особый правовой режим в финансовой сфере»*. Указание Астаны в качестве места арбитража не обязательно означает город Астану вне МФЦА, в противоположность самому МФЦА. Вопрос о том, следует ли такое указание понимать как ссылку на МФЦА или на город Астану вне МФЦА, зависит от контекста и намерения сторон, вытекающего из арбитражного соглашения в целом. Я не считаю, что упоминание *«МФЦА в Астане»* в типовой арбитражной оговорке МАЦ добавляет, что-либо существенное.
23. Рассматривая пункт 12.2 в контексте и в совокупности, ссылка на Астану в качестве места арбитража, по моему мнению, должна пониматься как ссылка на МФЦА. Это, на мой взгляд, является единственно разумным толкованием данного положения и тем, которое, несомненно, соответствовало намерению сторон. Исходя из этого, применимым арбитражным правом является право МФЦА, и подлежит применению статьи 7 Арбитражного регламента МФЦА, которое дает исчерпывающий ответ на довод о том, что отсутствие согласия в соответствии со статьей 8(10) Закона Республики Казахстан «Об арбитраже» влечет недействительности арбитражной оговорки.
24. Данная позиция подтверждается подходом, примененным в деле *Success K*, в котором Суд МФЦА рассматривал весьма схожий вопрос с тем, который возникает в настоящем деле. Соответствующее положение арбитражного соглашения в деле *Success K* содержалось в Особом условии 49, как указано в §§13–14 решения Лорда Манса. В английском переводе, представленном Суду, содержало следующую формулировку:

«49. Разногласия разрешаются путем арбитражного разбирательства в соответствии с приведенными ниже положениями:

Любой спор, разногласие, различие или требование, будь то договорные или внедоговорные, вытекающие из настоящего контракта или в связи с ним, в том числе касательно существования, действительности, толкования, исполнения, нарушения или прекращения настоящего контракта, передаются и [для] окончательно разрешаются арбитражем, администрируемым [МАЦ] в соответствии с действующими Правилами арбитража и средств массовой информации [так было написано] и МАЦ [так было написано], которые включены в настоящий отказ от ответственности [так было написано] ...

2. Место арбитража и применимое право

Место арбитража - Республика Казахстан. Применимым правом является право места арбитража...»

25. Как отметил судья, при переводе, очевидно, была допущена ошибка. Другие версии, также представленные Суду, помогли прояснить содержание текста. В переводе Окончательного арбитражного решения указано, что споры разрешаются *«арбитражем, администрируемым Международным арбитражным центром Международного финансового центра «Астана» (МАЦ) в соответствии с действующими на дату запроса об арбитраже, направленном Регистратору МАЦ, Правилами арбитража и медиации МАЦ, которые включены в настоящую оговорку»*. Параграф 2 также переведен в Окончательном арбитражном решении следующим образом:

«Место арбитража – Республика Казахстан. Применимым правом является право места арбитража.»

26. В том деле также утверждалось, что правом, регулирующим арбитражное разбирательство, является общее право Республики Казахстан и что арбитражное соглашение является недействительным, поскольку не было получено согласие, требуемое статьей 8(10) Закона Республики Казахстан «Об арбитраже». Данный довод был отклонен Судом:

«24. Пункт 2 Специального условия 49 Контракта ... касается применимого арбитражного права. Это так, в зависимости от того, какой перевод, указанный в пунктах 13–14 выше, используется. Положение 30(1) Арбитражного регламента МФЦА прямо 11 предусматривает, что «стороны могут свободно договориться о месте проведения арбитражного разбирательства». Пункт 2 содержит соглашение сторон о местонахождении или месте проведения арбитража и о праве, которое должно регулировать арбитражное разбирательство («арбитражное право»).

25. Суд считает, что, по мнению Министерства, пункт 2 представляет собой выбор сторонами законодательства, и, в частности, Закона «Об арбитраже», Республики Казахстан в качестве применимого арбитражного законодательства. Суд не принимает это утверждение. Пункт 2 следует рассматривать вместе с первым основным пунктом Специального условия 49, который предусматривает, что стороны передают дело в арбитраж МАЦ в соответствии с Регламентом МАЦ. МАЦ является частью МФЦА, который сам по себе является как территорией, так и юрисдикцией в пределах Республики Казахстан ...

...

26. Если читать Специальное условие 49 в целом, то получается, что стороны договорились разрешать любые споры путем арбитража МАЦ в рамках юрисдикции МФЦА, которая находится в Республике Казахстан, и делать это в соответствии с арбитражным правом МАЦ, которое содержится в Арбитражном регламенте МФЦА и Правилах МАЦ. Не имеет никакого реального смысла предполагать, что в

пункте 2 стороны намеревались выбрать место проведения арбитража за пределами территории и юрисдикции МФЦА или арбитражное право, отличное от или в дополнение к арбитражному праву МФЦА и МАЦ, 12 которое они выбрали в первой, основной части Специального условия 49. Таким образом, арбитражное право для всех целей является правом МФЦА и МАЦ. Оно ни в каком отношении не является общим арбитражным правом или Законом «Об арбитраже» Республики Казахстан.»

27. Настоящее дело полностью укладывается в рамки общего подхода, изложенного в деле *Success K*. Положение пункта 12.2 о том, что «местом проведения арбитража является [Астана], Казахстан», должно толковаться во взаимосвязи с первой частью данного пункта, предусматривающей, что стороны передают споры на рассмотрение в арбитраж МАЦ в соответствии с Правилами арбитража и медиации МАЦ. При прочтении пункта 12.2 в целом становится очевидным, что стороны договорились разрешать любые споры посредством арбитража МАЦ в пределах юрисдикции МФЦА, расположенного в Астане, и что такое разбирательство должно регулироваться арбитражным правом МАЦ. И в данном случае не имеет смысла предполагать, что стороны, включив положение о «месте арбитража», намеревались выбрать место арбитража, находящееся за пределами территории и юрисдикции МФЦА, либо арбитражное право, отличное от права МФЦА и МАЦ или применяемое в дополнение к нему. Я не принимаю довод о том, что существенное различие заключается в том, что в деле *Success K* местом арбитража была указана Республика Казахстан без уточнения конкретного города, тогда как пункт 12.2 прямо указывает Астану. Тот факт, что МФЦА является как с правовой, так и с географической точки зрения частью Астаны, служит еще более веским основанием, чем в деле *Success K*, для толкования данного положения как предусматривающего выбор МФЦА в качестве места арбитража.
28. В отличие от дела *Success K*, решение *Dhir v. Waterfront Properties*, рассмотренное DIFC, по моему мнению, явно отличается по обстоятельствам. Соответствующая часть решения по делу *Dhir* основывалась на толковании соглашения, предусматривавшего, что «арбитраж должен проводиться в эмират Дубай». При этом не утверждалось, что, если местом арбитража являлся бы Дубай, а не DIFC, арбитражное соглашение в том деле было бы недействительным или неисполнимым. Кроме того, в том деле отсутствовало какое-либо положение, аналогичное первой части пункта 12.2 настоящего дела, предусматривающее согласие сторон на передачу споров в арбитраж DIFC в соответствии с Правилами DIFC. Значение данного обстоятельства подтверждается выводом, содержащимся в §84 решения, о том, что «выбор места арбитража мог бы быть сформулирован более ясно, если бы стороны указали, должно ли применимое арбитражное право быть правом Дубая или DIFC». Более того, положение DIFC в составе Дубая не определено таким же образом, как положение МФЦА в составе Астаны. Кроме того, я не считаю, что вывод, содержащийся в §87 решения, о том, что «если бы стороны намеревались определить DIFC в качестве места арбитража, они могли бы прямо это указать», имеет какое-либо существенное значение для толкования пункта 12.2.
29. Я упоминал довод ОТВЕТЧИКА о том, что при применении принципа практического значения (*effet utile*) Суд должен склоняться против толкования пункта 12.2, на котором настаивают ИСТЕЦ А и ИСТЕЦ В. В этой связи, например, приводится ссылка на §2.198 из книги *Redfern & Hunter on International Arbitration* (6-е изд., 2015 г.), где говорится:

«В случаях, когда в положении договора имеется кажущееся противоречие, большинство национальных судов, как правило, стремятся придать ему такое значение, которое позволило бы реализовать общую волю сторон, заключавшуюся в передаче споров на рассмотрение в арбитраж.»

При прочтении пункта 12.2 в целом, как указано выше, какого-либо противоречия, требующего устранения, не возникает, однако предложенное мной толкование данного положения действительно реализует общую волю сторон, заключающуюся в передаче споров на рассмотрение в арбитраж, и соответствует применению принципа практического значения (*effet utile*).

30. При таких обстоятельствах мне нет необходимости рассматривать дополнительные доводы ОТВЕТЧИКА, касающиеся эстоппеля, предполагаемого ссылки на довод, который не был заявлен перед Составом арбитража, либо вопроса о том, могут ли частные компании ссылаться на статью 8(10) Закона Республики Казахстан «Об арбитраже».
31. По изложенным мной основаниям я прихожу к выводу, что Состав арбитража обладает юрисдикцией для рассмотрения спора по арбитражному делу МАЦ № [...], и что возражения ИСТЦА А и ИСТЦА В относительно определения компетенции Состава арбитража подлежат отклонению.

Заявление ОТВЕТЧИКА о вынесении судебного запрета на подачу иных судебных исков

32. Заявление ОТВЕТЧИКА о вынесении судебного запрета на подачу иных судебных исков было подано в ответ на инициирование ИСТЦА А параллельных судебных разбирательств в местных судах Казахстана одновременно с арбитражным разбирательством МАЦ по делу № [...] и настоящим производством в Суде МФЦА. [...] ИСТЕЦ А подала иск в Специализированный межрайонный экономический суд города Астаны с требованием признать недействительным пункт 12.2 Соглашения об урегулировании, а также по существу идентичную арбитражную оговорку в Соглашении [...] от [...] с последующими изменениями. [...] суд Астаны вынес определение о возвращении иска (то есть об отклонении без рассмотрения по существу) на том основании, что спор подлежит рассмотрению в арбитраже и что вопрос юрисдикции должен быть предварительно разрешен арбитражным составом. [...] ИСТЕЦ А повторно подал иск в суд Астаны с тем же требованием. [...] суд Астаны вновь вынес определение о возвращении иска. [...] Судебная коллегия по гражданским делам суда города Астаны отклонила апелляцию на указанное определение. Решение Судебной коллегии не подлежит дальнейшему обжалованию или пересмотру.
33. Заявление ОТВЕТЧИКА о вынесении судебного запрета на подачу иных судебных исков было подано [...], в то время как разбирательство в судах Астаны еще продолжалось. Впоследствии ОТВЕТЧИК внес изменения в свое заявление с учетом решений указанных судов. В настоящее время ОТВЕТЧИК утверждает, что, несмотря на завершение параллельных судебных процессов, сохраняется риск того, что ИСТЕЦ А и ИСТЕЦ В инициируют новые разбирательства в местных судах; в связи с этим ОТВЕТЧИК по-прежнему просит Суд вынести постановление, запрещающее ИСТЦУ А предъявлять в любых иных судах иски, связанные с оспариванием действительности арбитражного соглашения, а также обязывающее ИСТЦА В воздерживаться от совершения каких-либо действий в поддержку таких исков.
34. Однако сложность в отношении позиции, выдвигаемой в настоящее время, заключается в том, что она носит исключительно предположительный характер. На данный момент, как и в течение уже нескольких месяцев, отсутствуют какие-либо параллельные судебные разбирательства — ни продолжающиеся, ни находящиеся на рассмотрении, ни даже заявленные. ИСТЦУ А и ИСТЦУ В не удалось добиться признания недействительными арбитражных оговорок в судах общей юрисдикции. Ничто не указывает на их намерение предпринять такую попытку повторно. В случае если они это сделают, я вполне допускаю, что основания для вынесения судебного запрета на подачу иных судебных исков могут возникнуть, и, вероятно, они уже имелись на момент первоначального обращения ОТВЕТЧИКА в настоящий

Суд [...]. Однако при сложившихся обстоятельствах данный вопрос утратил актуальность, и порог для предоставления обеспечительной меры не достигнут.

35. Соответственно, в удовлетворении заявления ОТВЕТЧИКА о вынесении судебного запрета на подачу иных судебных исков отказано.

Судебные расходы

36. Любое заявление о взыскании судебных расходов подлежит подаче в письменной форме в течение 14 дней с даты настоящего решения; любые возражения - в течение последующих 14 дней; после чего Суд рассмотрит данный вопрос и вынесет решение по представленным материалам дела.

Принято Судом,

Достопочтенный Сэр Стивен Ричардс
Судья, Суд МФЦА

Представительство:

Истцы были представлены г-ном Александром Коробейниковым, партнер, г-ном Хайдаром Бейсовым и г-жой Алисой Иншаковой, юристы, Baker McKenzie Kazakhstan BV, Алматы, Казахстан.

Ответчик был представлен г-ном Бахытом Тукуловым, партнер, г-жой Марией Петренко, старший юрист, и г-ном Артемом Кузнецовым, юрист, TKS Disputes, Алматы, Казахстан.